

КРУГЛЫЙ СТОЛ “ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ”

Совместными творческими усилиями двух авторитетных общественных организаций (ВЭО России и МСЭ) проводится постоянно действующий Круглый стол “Экономический рост России” под руководством академика Л.И.Абалкина, вице-президента Вольного экономического общества России и вице-президента Международного Союза экономистов.

Целью организации и проведения Круглого стола является объединение интеллектуального потенциала ученых, экспертов, бизнесменов, молодых экономистов, государственных и общественных деятелей в решении ключевых задач социально-экономического развития России, ее интеграция в современную мировую экономику.

Выработанные в ходе творческой дискуссии рекомендации направляются в органы государственной власти, международные организации, научные центры и средства массовой информации.

“ДОВЕРИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА”

Материалы заседания Постоянно действующего Круглого стола “ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ”

Москва 31 октября 2001 г.

Л.И.АБАЛКИН,

Директор Института экономики РАН, Вице-президент Вольного экономического общества России, Вице-президент Международного Союза экономистов, Председатель Научно-практического Совета Вольного экономического общества России, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

(Вступительное слово)

Уважаемые коллеги!

Разрешите открыть заседание «Круглого стола». Тема нашего обсуждения «Доверие как социально-психологический фактор экономического роста».

“МОЛОДЕЖЬ – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС БУДУЩЕГО РОССИИ”

Материалы заседания Постоянно действующего Круглого стола “ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ”

Москва 13 марта 2002 г.

Л.И. АБАЛКИН,

Директор Института экономики РАН, Вице-президент Вольного экономического общества России, Вице-президент Международного Союза экономистов, Председатель Научно-практического Совета Вольного экономического общества России, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

(Вступительное слово)

Уважаемые коллеги!

Разрешите открыть заседание Круглого стола. Заседание Круглого стола, которое организуется здесь Вольным экономическим обществом России и Международным союзом экономистов, имеет общий замысел – это поиск стратегического ответа России на вызовы нового века. Сегодняшнюю встречу мы решили посвятить теме: “Молодежь – интеллектуальный ресурс будущего России”.

Должен сказать, что когда шла подготовка к этому Круглому столу, то возник ряд противоречий как внешнего, так и внутреннего порядка. С одной стороны, меня просили привлечь на этот Круглый стол “мастодонтов”, крупные фигуры, чтобы показать их молодежи, чтобы они могли сказать что-то напутствующее. А, с другой стороны, у меня было желание, чтобы не слушать этих “мастодонтов”, а в основном послушать тех, кому принадлежит интеллектуальное будущее России. Такая внутренняя борьба завершилась компромиссным решением.

Было и желание послушать, что думают о будущем, о начавшемся веке, об его образе и типе, о том, что ждет Россию в XXI веке. А, с другой стороны, опять желание успеть еще что-то сказать представителям будущего России. Здесь мы нашли также компромиссный вариант.

И поскольку речь идет о будущем и о прошлом, то я попытаюсь рассуждать именно в таких масштабах и несколько слов сказать как о прошлой истории, так и о будущем.

Вы находитесь в стенах Вольного экономического общества, учрежденного Екатериной II в 1765 году. С тех пор существует этот выдающийся институт гражданского общества, который отметил недавно 235 лет с момента своего существования. Когда мне приходилось встречаться с гостями страны и заходили

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Л.И. АБАЛКИН,

президент Международного фонда Н.Д. Кондратьева, Вице-президент Вольного экономического общества России, Директор Института экономики РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

*Выступление на X Кондратьевских чтениях,
посвященных 110-летию Н.Д. Кондратьева
и 10-летию Международного фонда Н.Д. Кондратьева*

Позвольте мне сделать небольшое вступительное слово, в котором я хочу сказать, что проведение X Кондратьевских чтений, посвященных 110-летию Н.Д. Кондратьева и 10-летию Международного фонда Н.Д. Кондратьева, здесь, в Президиуме Вольного экономического общества России, является вполне логичным и оправданным.

Но для того, чтобы это обосновать, мне потребуется время, поскольку мы занимаемся историей. Поэтому хочу немного сказать об истории, поскольку тогда моя мысль получит четкое завершение.

В 1914-1915 гг. Президентом Императорского вольного экономического общества был Максим Максимович Ковалевский.

Это яркая фигура в истории нашей науки. Он был выдающимся русским историком, юристом, социологом-экономистом и этнографом, членом Российской академии наук. В его жизни есть яркие страницы. Он находился в личной переписке с Марксом и Энгельсом. Маркс прочитал и подробно законспектировал его работу, причем работу, напечатанную на русском языке. Ее название “Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения”.

В силу ряда причин М.М. Ковалевский должен был на некоторое время покинуть Россию и основал во Франции Русскую высшую школу общественных наук, в которой Ленин выступил с серией лекций под названием “Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и России”.

Будучи Президентом Вольного экономического общества в 1915 г., М.М. Ковалевский опубликовал статью, посвященную 150-летию со дня его основания. В декабрьском номере журнала “Вестник Европы” появилась его статья по этому поводу с достаточно непростым содержанием. Он писал в ней, что “нет русской газеты, которая бы так или иначе не отозвалась на 150-летний юбилей. И к

чести нашей печати надо сказать, что почти все, без различия партии, сумели оценить все, сделанное им не только в сфере нашей сельскохозяйственной жизни, не только в области народного образования и народного продовольствия, развития кустарной промышленности, поднятия вопроса о кооперативах, но и в подготовке крестьянской эмансипации и наделения крестьян землею” (с.389).

“Редкому Обществу приходилось встречать день своего полуторавекового существования в тех условиях, какие пережило в текущем месяце Общество, президентом которого я имею честь состоять. Его хвалили и поносили, а оно поставлено было в необходимость молчать, так как уста его были закрыты в свободной России” (с.390).

Дело в том, что это были годы первой мировой войны. Общество вышло за пределы своих уставных требований, организовало госпиталь для больных участников войны, что было расценено как нарушение его уставных требований, и практически была приостановлена его работа.

Далее, М.М. Ковалевский пишет, “если бы Общество имело возможность действовать и в настоящую минуту, оно, несомненно, не обошло бы своим вниманием и те многообразные причины, с которыми связаны нехватка муки, топлива, сахара и небывалая дороговизна вообще. Общество желало бы только работать и продолжать великую традицию, созданную 150-летней его деятельностью. В обновленной России, вероятно, найдется место и для смелого почина Екатерины Великой...”

Совет Общества надеялся на то, что наступление 150-летнего юбилея ознаменуется, по крайней мере, возобновлением жизни Общества. Надеждам этим, к сожалению, не суждено было осуществиться” (с.39).

Работу Общество продолжило еще несколько лет. Были в дооктябрьский период еще два его президента.

Возрождение Общества произошло лишь уже в новой свободной России; на этой неделе будет отмечаться 40-летие проведения организационного комитета по воссозданию его традиций.

Однако, возникает вопрос: а какое отношение это имеет к Кондратьеву и нашей сегодняшней встрече?

Дело в том, что юные Николай Кондратьев и Питирим Сорокин были личными секретарями М.М. Ковалевского. Он умер через три месяца после этой статьи – в марте 1916 г., причем буквально у них на руках. Но быть личным секретарем президента Вольного экономического общества и не знать о его существовании было невозможно.

В пятом номере журнала того же “Вестника Европы” за 1916 г. появилась статья Кондратьева под названием “Ковалевский как учитель”. А позднее он опубликовал вторую работу о своем учителе “Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин” (Петербург, 1917).

Вот несколько фраз из статьи Кондратьева о своем учителе. “В лице М.М. Ковалевского сошел в могилу один из самых видных и любимых учителей рус-

ской интеллигенции... В самой личности Ковалевского, в характере его учености, во многих его идеях, в том, что, пользуясь сравнительным методом, он знакомил с общественным строем, эволюцией и прогрессом многочисленных стран – во всем этом широкие круги даже радикальной интеллигенции не могли не находить выражения и основания близкой им идеи международной солидарности и демократизации общественной жизни” (с.183,184).

Сказать это в годы, когда шла мировая война, о солидарности народов разных стран и о демократизации общественной жизни, – для этого надо было иметь достаточное мужество.

Для его непосредственных учеников к влиянию его книг, его идей, его общественного международного значения присоединялось более глубокое и интимное влияние самой личности Ковалевского.

“Недели за три до его смерти, – продолжает Кондратьев, – между нами происходил такой разговор. М.М. чувствовал себя уже нездоровым, томился и не находил места.

– Очевидно, – сказал он, речь идет не только о моей болезни, но и переселении.

Я не согласился с ним и выразил надежду, что он еще будет жить и работать по-прежнему.

– Ничего путного, впрочем, за эти десять лет, – продолжал М.М. – я не написал. Наука любит уединение, а я его не имел.

Но Вы же ушли в иную область, в область политической жизни и борьбы.

– Да, но это все не то, – ответил он” (с.185-186).

“М.М., кажется, никогда не держал себя как учитель. Я не помню ни одной “магисторской” ноты в его голосе: мы встречали в его лице не просто учителя, но учителя-друга. Вместо формальных требований и учительских директив, мы видели его сердечное участие и совет. Уже безнадежно больной, за несколько дней до смерти, он оставался тем же учителем – другом и говорил мне:

– Не разбрасывайте свою деятельность. Вы хотите ехать изучать старых итальянских экономистов? – Не советую: напрасно потратите время” (с.186-187).

Ковалевский, действительно не держал себя как учитель, хотя всегда был таковым для Кондратьева и оказал на него огромное влияние.

В связи с этим еще одно характерное высказывание Кондратьева о Ковалевском из этой же статьи: “Научная работа сводилась для него, в конце концов, к работе над материалом и фактами. Он нередко делал обобщения, строил гипотезы, но высшим судьей, которому М.М. оставался подсудным всю свою жизнь, был для него все-таки факт”.

Исходя из этого, можно сказать, что далеко не случайно Кондратьев оказался не только выдающимся экономистом, но и крупнейшим статистиком, работающим над фактом, над цифрой. Он стал членом Лондонского статистического общества и Американского статистического общества. И не эта ли любовь к фактам, полученная от своего учителя, родила, как зародыш, как предпосылку и

его последующий интерес к длинным волнам конъюнктуры, основанным на обобщении богатейшего статистического материала.

Михаил Иванович Туган-Барановский тоже был членом Императорского вольного экономического общества. Он выступил с докладом (за год до выхода работы Ленина “Развитие капитализма в России”) на третьем отделении Императорского вольного экономического общества (политическая экономия и статистика) в 1898 г. с докладом “Статистические итоги промышленного развития России”.

Характеризовать Тугана-Барановского как крупнейшего представителя российской школы экономической мысли вряд ли необходимо. Однако хотелось бы подчеркнуть, что во время учебы в университете на первом курсе Кондратьев работал в кружке, которым руководил Михаил Иванович Туган-Барановский. Написал там доклад на тему: “Телеологические элементы в политической экономии”.

И не отсюда ли идут истоки его последующих выдающихся высказываний о концепции единства гинетического и телеологического подхода к изучению общественной жизни?

В память о Туган-Барановском Кондратьев тоже написал две работы, вышедшие в 1923 г.: биографическую справку о нем и специальную работу “Туган-Барановский. Основные черты научного мировоззрения”.

Во время обучения в университете Кондратьев состоял членом двух обществ: Костромского научного по изучению местного края и Кинешемского научного по изучению местного края. Хотя обе эти организации не входили в структуру Вольного экономического общества, но тесно взаимодействовали с ним. Дипломная работа Кондратьева “Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии” была опубликована в 1915 г. в виде отдельной монографии.

Поэтому проведение X Кондратьевских чтений здесь, в Президиуме Вольного экономического общества, считаю вполне логичным и закономерным.

В связи с этим, хочу высказать еще два соображения, которые заставляют задуматься и о прошлом, и о настоящем.

Прежде всего, мне хотелось бы сказать, что великие ученые рождаются не в одиночку, а формируются в определенной социально-экономической и духовной среде.

Время становления Кондратьева, как ученого, происходило в условиях становления и развития российской школы экономической мысли. Он был и продуктом этой школы, и одним из ярчайших ее представителей. Он работал в университете, обучаясь в кружках и семинарах не только у Туган-Барановского, но и у таких выдающихся ученых, как академик Лаппо-Данилевский, профессор Петражицкий, приват-доценты Солнцев, Светловский, Птуха и Лукавецкий.

Второе, о чем мне хотелось сказать, это наличие огромного, массового движения по изучению местного края. Я назвал только два примера: Кострома и Кинешма. Их рост был связан в значительной степени с развитием земства в тот период. Инициатива земств по их созданию навязанные нашей стране

как в прошлом, так и, к сожалению, в настоящее время представлениям о России как о стране пьянства, всеобщей лени и научной бесперспективности.

Приобщение к памяти о наших великих ученых, возрождение гордости за свою страну, за ее прошлое и будущее, это – долг науки, долг творческих организаций и современного предпринимательства.

Поэтому хочу выразить от Международного фонда им. Кондратьева искреннюю благодарность тем, кто оказал финансовую и благотворительную поддержку X Кондратьевским чтениям. Это Министерство промышленности, науки и технологий, Российский фонд фундаментальных исследований и Московская межбанковская валютная биржа. И, естественно, Президиуму Вольного экономического общества, которое представило свое помещение для такой встречи.

Спасибо за память не только о прошлом, но и за заботу о будущем России.

Ю.М.ЛУЖКОВ,

мэр Москвы, доктор химических наук, профессор

РОССИЙСКИЙ СИЗИФ? НЕТ – РОССИЙСКИЙ ПРОМЕТЕЙ!

*Выступление на Торжественном Юбилейном Собрании,
посвящённом 140-летию со дня рождения П.А.Столыпина,
15 апреля 2002 года*

Глубокоуважаемые участники Торжественного Юбилейного Собрания!

Имя и дела человека, которому мы посвящаем наше сегодняшнее торжественное мероприятие, последние годы вспоминаются всё чаще и чаще. В 1996 году Вольное Экономическое Общество России проводило представительную Всероссийскую конференцию: «90 лет Столыпинской реформе», итогам которой был посвящён специальный выпуск Трудов ВЭО. И вот сегодня мы снова чествуем Петра Аркадьевича Столыпина. На сей раз по случаю 140-летия со дня его рождения.

Почему такой интерес и такое уважение к Столыпину и его делам? Полагаю, не только потому, что он был действительно выдающимся человеком и мудрым государственным деятелем. Ведь в России выдающиеся люди явление отнюдь не редкое. Да и мудрые государственные мужи тоже встречаются, хотя и реже. Дело, скорее всего, в том, что ситуация, в которой начались Столыпинские реформы, сильно напоминает нашу сегодняшнюю ситуацию.

Вспомним, что в 1861 году в России было отменено крепостное право, но жизненный уровень населения, а оно было, в основном, крестьянским, не улуч-

шился. Более того, – из-за роста населения, низкой эффективности земледелия и серии неблагоприятных климатических случайностей он серьёзно ухудшался. Естественное недовольство канализировалось, не во всем добросовестными политиками, в агрессивные и деструктивные направления. Под угрозой оказалось само будущее России как целостного государства. Это беспокоило всех. Прежде всего, – тех, кто понимал, что именно **целостное государство – единственный способ обеспечения достойного существования россиян** на такой огромной, разнообразной, в целом – богатой, но сложной для жизни территории, которая исторически им досталась. Угроза распада системы беспокоила также и тех, кто цинично эксплуатируя необходимость для России единого государства, под предлогом этого социально-экономического императива, захватил бразды правления страной и извлекал из этого немалую собственную выгоду.

Многие передовые люди в России к началу XX века понимали, что проблемы страны можно решить только если опереться на инициативу и предприимчивость граждан и что инициатива и предприимчивость должны иметь адекватную мотивацию. Для этого, прежде всего, граждане должны быть наделены правами принимать самостоятельные хозяйственные решения. Они также должны нести бескомпромиссную ответственность за конечный результат своей хозяйственной деятельности. При этом нужно еще, чтобы в рамках действующих «правил экономической игры» у **каждого человека** была равная и реальная возможность достичь любого уровня благосостояния, допускаемого системой. Разумеется с поправкой на талант, трудолюбие и случайные факторы.

Реализовать перечисленные условия в России начала XX века было не просто. В стране, как уже отмечалось, все население было крестьянским. Правила землепользования исключали продуктивное товарное сельскохозяйственное производство, опирающееся на инициативу и предприимчивость. В этих условиях была очевидной необходимость земельной реформы, которая бы сделала крестьянина собственником сельхозпродуктов и инфраструктуры, созданных его собственным трудом на его собственной земле.

Современная ситуация почти такая же. Никто не возразит, что мы тоже совсем недавно ушли от возрождённого в 30-е годы крепостного права. Трудно оспорить утверждение, что и на сей раз это не дало ожидаемого улучшения благосостояния. Даже начавшийся последнее время экономический рост не порождает эйфории. Он всего лишь обещает нам, что через 15-20 лет мы только-только достигнем дореформенного уровня. Это вызывает всеобщее беспокойство. Как и в сталинские времена, у нас, помимо тех, кто искренне хочет процветания страны и её народа, есть и те, кто обменяв, как им обещал господин Чубайс, *власть на собственность*, хотели бы закрепить эти достижения. Да еще и присовокупить к своей собственности единственный не расхищенный пока общественный ресурс – землю.

И отмеченная аналогия, и другие исторические факты убеждают нас, что для России закономерна цикличность процессов либерализации и реставрации бю-

рократического государства. Такая периодичность приводит к обидному вопросу: а не являются ли попытки построить в России свободную экономику сизифовым трудом? Может быть либерализм в принципе несовместим с российской географией, российским климатом и российским генофондом?

Убеждён, что, анализируя судьбу Столыпинских реформ, мы можем понять, что нужно сделать именно в России, чтобы либерализация состоялась, чтобы она принесла, наконец, ожидаемую пользу, но не разрушила необходимое народом России общее государственное хозяйство, без которого, подчеркну это ещё раз, нельзя выжить на наших «непростых просторах».

Нам очень важно правильно использовать исторический опыт. Его нужно преломлять с учетом новых исторических реалий. Иначе, используя известную аналогию, мы можем уподобиться кошке, которая когда-то села на горячую плиту. Кошка уже, конечно, никогда не сядет на горячую плиту. Но она не сядет и на холодную!

Поэтому,

– несмотря на то, что после Столыпинской реформы в истории России произошли драматические катаклизмы, и вместо страны, в которой стабильное процветание стимулируется интересами свободных, экономически активных граждан, мы вновь получили более, чем на полвека фактически крепостное право,

– несмотря на то, что и сейчас, после более чем десяти лет реформ, мы ещё не приблизились необратимо к этому идеалу процветания,

я твердо убеждён, что деятельность Петра Столыпина это отнюдь не Сизифов труд и **Россия вовсе не обречена на автоколебания от тоталитаризма через экономическую свободу, через анархию и хаос назад к каким-то новым видам тоталитаризма.**

Убеждён: сделав правильные выводы из гигантского Столыпинского эксперимента, мы сможем найти пригодные именно для наших условий формы использования экономической свободы, инициативы и предприимчивости граждан, обеспечивающие счастливую жизнь и устойчивый рост благосостояния трёхсот миллионов россиян на нашей, гигантской, сложной для жизни, но прекрасной и богатой российской земле. И не только найти эти формы, но и реализовать их, и воспользоваться их плодами.

Прежде, чем делать выводы, подчеркну, что идея о том, что либерализация централизованной бюрократической системы является единственным рецептом обеспечения устойчивого процветания страны и повышения качества жизни её граждан принадлежит отнюдь не Столыпину. Заслуга его в том, что он понял значимость этой простой, но важнейшей идеи для России, что из моря предложений сумел выбрать наиболее хорошо проработанные и наиболее адекватные российским условиям. Заслуга его в том, что он подошёл к задаче либерализации страны системно, сумел составить реальный по срокам план действий на 25 лет (вдумайтесь только: **на 25 лет!**) и не пожалел сил и таланта на его претворение в жизнь, используя для этого, как говорят сейчас, всю мощь своего немалого административного ресурса.

Мы с вами, конечно, невольно сравниваем его решения, его системность, его способность формирования и реализации мощных, крупнейших государственных целевых программ с нашим временем. Это был не временщик, а человек, думающий на перспективу. Горизонт планирования, который он задал обществу впечатляет и заставляет относиться к Столыпину с особым уважением.

Мы задаем себе вопрос: а хорошо ли мы знаем, что будет в 2027 году? А что будет в 2004, и даже в 2003 году? Задавая эти вопросы мы испытываем тревогу. В подавляющем большинстве государственных программ, даже связанных со значительными изменениями в обществе, не отработаны, отсутствуют перспективы. А для России, для нашего народа, для нашего менталитета, это почти наверняка обрекает программы на провал. Если перед русским человеком не поставлена системная задача, он хаотичен. Но если поставлена задача, любая по сложности, которая ясна в конечных целях, он группируется, консолидируется, настраивается на реализацию этой задачи и всегда ее выполняет!

Мы сейчас много ведем дискуссий по формированию нашего отношения к сельскохозяйственному сектору экономики. Не нужно обязательно изобретать велосипед. Надо вернуться и внимательно погрузиться в его предложения и его труды. Он, фактически, **продиктовал** либеральное устройство сельскохозяйственного производства. Причем довольно жесткими методами, хотя главное в методе Столыпина, это отнюдь не военно-полевые суды. Они ему были нужны лишь как системная мера для пресечения деструктивных подходов к решению реальных российских проблем, для пресечения хаоса в ходе реформ.

В ходе любого масштабного реформирования возникают нестационарности. Любой специалист в области управления это знает, это азы. Любая система управления для любой производственной единицы, для любого хозяйствующего субъекта должна адаптироваться к этим нестационарностям. Равным образом это касается и вопросов регулирования работы и жизни государства. Самое сложное возникает, когда формируются новые формы государственного устройства. Переходные процессы в государстве в этом случае порождают и хаос переустройства, и даже деструктивную активность определённых социальных групп. Поэтому в переходных режимах необходимо сохранить или даже усилить возможности вмешиваться для снижения уровня деструктивности и пресечения хаоса. Мы с вами, кстати говоря, начав заниматься этой потрясающей по значимости проблемой преобразования нашей централизованной экономики в рыночную, переводя её на рыночные рельсы, забыли это непреложное правило управления государством в переходных периодах. Столыпин знал это лучше, лучше чувствовал, лучше видел. Впрочем, мы за последнее десятилетие с Вами тоже имеем разные примеры организации переходных процессов уже в пределах Российской Федерации. Там где власть не допустила хаоса, где власть не была потеряна, – эти переходные процессы оказались более успешными, оказались менее трудными для жизни людей, для тех сограждан ради которых осуществляется это реформирование. Так что высказанный тезис подтверждается и на нашем последнем опыте.

Главным в методе Столыпина была системная поддержка либерализации: развитие инфраструктуры, кредитование и дотации, включая способы защиты от не целевого использования этих средств, помощь в решении транспортных проблем и другие подобные меры.

Подчеркиваю, что система в его работе была главным принципом, главной целью и главным лозунгом. Он сумел предложить обществу, предложить власти цель, предложить 25-ти летнюю программу. И не только в области экономики или сельского хозяйства, но и в области государственного устройства, в области национальных и межнациональных отношений. Дальше он формировал траекторию движения государства к этой цели, этапы пути, которые позволяют достичь этой цели. Он выбирал скорость движения к этой цели, ни в коем случае не прибегая к методу «обвальной либерализации». При этом он обозначил траекторию движения такими этапами, которые нам кажутся сейчас удивительными, с точки зрения продуманности всех этих шагов. Он, в дополнение к этому, обеспечил почти оптимальную скорость достижения заданной цели. Системность для Столыпина была важным принципом. Она была, пожалуй, для нашей страны, для того времени, весьма удивительной при реализации государственных задач. Пожалуй этими качествами отличались до него еще три государственных деятеля – это Иван Калита, Петр Великий и Екатерина Великая. Мы говорим о том, что Столыпин был не только либерал – реформатором, но и формировал условия для развития и возникновения инициативы, Столыпин еще и жестко осуществлял реализацию этих задач.

Сегодня, в качестве претензий к его памяти, говорят о введении Столыпиным военно-полевых судов. Однако, что касается конкретно военно-полевых судов, то из полемики его с Маклаковым видно, что он допускал их приемлемость только в чрезвычайных ситуациях.

Кстати говоря, совсем недавно примерно на столыпинские позиции встал и Президент США Джордж Буш, когда отвечал на критику в связи с несоответствием некоторых осуществляемых в США антитеррористических мер установленным в этой стране нормам. Думается, что если бы в ходе наших реформ и мы, в разумных пределах и в чрезвычайных обстоятельствах, следуя совету Ивана Андреевича Крылова не тратили по пустому речей, где нужно употребить власть, развитие страны пошло бы по более спокойному пути и не сопровождалось бы такими большими потерями и жертвами.

Я думаю, что когда мы оцениваем деятельность Столыпина через эту призму, то и здесь мы видим необычайную глубину мышления этого государственного деятеля. Введя серьезный силовой механизм реализации функций власти, он сразу же определил его использование только в чрезвычайных обстоятельствах. А в остальном, этот механизм был символом, символом твердости намерений власти в планомерном проведении либерализации сельского хозяйства России.

Необходимость системным образом продиктовать сверху либеральное устройство России и сам способ «диктовки», – это тот «огонь», который, подобно

Прометею принёс нам Столыпин. И убит он был фактически именно за это. Не вина Столыпина, что его метод не сработал в полном объеме. Здесь сказалось многое и, прежде всего, отсутствие безоговорочной поддержки с самого высшего уровня. Но ведь и огонь, при всей его очевидной полезности, может причинить немало бед, если его неправильно использовать. Так и с либерализацией экономической жизни. Она **не совместима с бюрократической формой государства, управляемого решениями идущими сверху вниз**. Она может существовать только в государстве, которое управляется, в основном, не людьми, а законами, в котором государственный аппарат не правит, а служит. Конечно, для свободных производителей стабильность абсолютно необходима, но надежды на то, что либерализация позволит законсервировать бюрократическую систему управления страной **были, есть и будут беспочвенными**. Совместить эти две системы это всё равно, что пытаться навинтить гайку с левой резьбой на болт с правой резьбой. Это есть главный барьер, который нужно преодолеть для либерализации российской экономики. Это есть главное противоречие, которое, к сожалению, не удалось разрешить ни Столыпину, ни авторам НЭПа, ни Косыгину, ни другим российским реформаторам.

Впрочем, было бы несправедливо размещать Столыпина в одном ряду со всеми другими российскими реформаторами. Он – единственный, кто имел и выполнял объявленный график реформ, рассчитанный на 25 лет. Хотя судьба выделила ему всего четверть намеченного им срока, он сумел продвинуться дальше всех. При этом, говоря современным языком, он вёл постоянный мониторинг реформы и видел некоторые недостатки в её первых результатах. Не вызывает сомнения, что ему по силам было их исправить. Хотя по отношению к истории очень трудно рассуждать в терминах *если бы*, анализ событий тех времён убеждает, что Столыпин был ближе всех к заветной цели. Одновременно приходится сделать жесткий, бескомпромиссный вывод: продиктовать **систему** новых законов можно только силой власти которая **правит**, но обеспечить устойчивое развитие можно только в государстве, которое **служит**. Разумеется, если продиктованные законы справедливы и мудры, представленный вывод представляется столь же надёжным, как принятое в свое время решение Французской Академии Наук, отказавшейся рассматривать проекты Перпетуум-Мобиле.

К сожалению, тот, кто получил возможность править, как правило, очень неохотно передаёт власть законам и превращается в служащего. В этом смысле, например, американцам – повезло. Джордж Вашингтон, которого войска, находящиеся в Форт Ноксе, готовы были сделать императором, предпочёл возглавить создание Конституции США. Он, не дрогнув, передал власть новым законам, став по отношению к ним частным лицом, как говорят «на общих основаниях». Кстати говоря, Вашингтон, подобно Столыпину, принимал жестокость только для чрезвычайных обстоятельств, однако, для обеспечения стабильности в процессе становления нового государства, ему пришлось, как известно, довольно жестоко подавить восстание Шейса.

К счастью для американцев, так твердо продиктованные законы оказались достаточно мудрыми и действуют более 200 лет. Страна стабильно развивается. Можно быть уверенным, что ни одному американцу не придёт в голову мысль разрушать мемориал Вашингтона в столице США.

Подобного ждёт сейчас Россия. Если, опираясь на усиливающуюся вертикаль власти, мы в ближайшие годы сумеем продиктовать **систему** (подчеркиваю, – именно систему) пригодных для России мудрых законов, а потом передадим этим законам власть, мы сослужим российскому народу службу, за которую нас будут поминать добрым словом многие будущие поколения счастливых граждан процветающего российского государства. Если окажется, что мы захотим сохранить государство, которое правит – мы неминуемо вновь увидим в исторически недалёком будущем кризисные явления подобные тем, с которыми Россия так драматически сталкивалась в начале и в конце XX века.

Хочется верить, что в итоге всех мероприятий в честь этого великого человека, великого реформатора, в России, наконец, появится государственный деятель, который сумеет и силой убеждения, и силой власти консолидировать общество и, наконец, преодолеть барьер, отделяющий нашу прекрасную страну от стабильного процветания.

Спасибо вам за внимание.

Г.Х.ПОПОВ,

президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, доктор экономических наук, профессор

О СТОЛЫПИНЕ (как трудно быть реформатором в России)

*Выступление на Торжественном Юбилейном Собрании,
посвящённом 140-летию со дня рождения П.А.Столыпина,
15 апреля 2002 года*

В 1861 году Александр II, оказавшись на пепелище поражения России в Крымской войне, решил на коренные реформы крепостного строя.

Но он отверг и прусский путь (помещик становится предпринимателем), и американский (земля переходит к свободным фермерам).

Был избран свой, особый, российский вариант отмены крепостничества, при котором в деревне сохранялась крестьянская община.

Именно при этом варианте как у помещиков, так и у крестьян оставалась потребность и в царе, и в бюрократической машине самодержавия. Феодальная

бюрократия России при такой реформе создала у страны потребность в этой бюрократии и после отмены крепостничества.

Община платила налоги, направляла рекрутов в армию, строила церкви и школы. Землю община регулярно перераспределяла среди своих членов. Община защищала крестьян – или, как минимум, распределяла среди них поровну все тяготы. Она – как и сотни веков до этого – определяла всю жизнь крестьянина.

Община была эффективна при традиционных, столетиями не меняющихся, методах ведения хозяйства. Однако когда появилась возможность вводить улучшения – новые культуры, удобрения и, тем более, машины – община оказалась крайне консервативной для всего инициативного. Она не создавала у крестьянина стимулов к росту производительности, прежде всего земли. Напротив, ее правила – “не высовывайся”, “как мир – так и я”.

Поэтому “русский вариант” отмены крепостничества хотя и создал возможности для развития промышленности (а оно было мощным – только железных дорог построили всего за 30-40 лет десятки тысяч километров) тем не менее рост экономики шел медленнее, чем в главных странах Европы и Америки.

Положительный потенциал реформ 1861 года к началу XIX века был частично исчерпан, а частично выхолощен реваншем консерваторов после убийства в 1881 Александра II Освободителя (которое, судя по всему, консерваторы “допустили” как раз перед провозглашением царем нового цикла реформ, также как потом они “не уберегли” Столыпина).

Поражение в войне с Японией показало, что даже Азия начинает обгонять Россию. В этой ситуации в стране начался давно назревавший кризис. Различные классы общества выдвинули свои программы реформ. Внутри монархии тоже начались острые споры о реформах. Альтернативой “реформам сверху” была только революция.

Попытка царизма уйти и от реформ, и от революции с помощью войны с Японией не удалась. Напротив, война перевела кризис в стадию агонии. И если начавшаяся революция не закончилась крахом самодержавия, то причина в том, что возле царя оказались такие выдающиеся лидеры как С.Ю.Витте и П.А.Столыпин.

Как подходили к проблеме преобразования России оба эти деятеля?

Россия должна остаться великой державой. И Витте, и Столыпин конечной целью, сверхзадачей считали сохранение России в качестве великой и процветающей державы.

Сохранить монархию. И Витте, и Столыпин считали, что в России необходима монархия. Россию создали цари и императоры и без общего и неоспоримого для всей империи лидера трудно будет сохранить единую державу.

Реформы – а не революция. И Витте, и Столыпин считали, что России нужна не революция, а реформы. Оставаться при старых порядках страна не может – это путь к катастрофе. Но и революция несет катастрофы, масштаб которых столь велик, что серьезных гарантий сохранения великой России при революции нет. Только реформы – такова позиция двух великих деятелей России начала века.

Хотя и Витте, и Столыпин были реформаторами, но в отношении самих реформ их подходы расходились.

Когда было 90-летие начала столыпинских реформ и 85-летие его гибели (1996 г.) я уже писал о П.А.Столыпине. Сейчас же, в год 140-летнего юбилея Столыпина – он родился в 1862 году – я хотел бы еще раз привлечь внимание к деятельности великого реформатора.

Программа реформ Столыпина

Сначала подавление терроризма – а потом реформы. Столыпин считал, что в неустойчивой, сотрясаемой взрывами и выстрелами террористов стране нормальные реформы не осуществляются. Нужны не только законы о новом, но и те, кто обеспечит их выполнение. Поэтому первоочередная задача: сохранить государство, дать отпор экстремистам.

Он ввел военно-полевые суды. И хотя число расстрелянных и повешенных революционеров за период с 1906 по 1909 год не превышало по официальным данным и 2 500 человек – по сравнению с почти 3 тысячами убитых террористами представителей власти (сам Столыпин уцелел чудом – при взрыве бомбы на его даче были убиты 27 человек, тяжело ранены – 32, в том числе и его дочь, и его сын) – на Столыпина обрушилась вся демократическая Россия, вся Европа.

Но исторический итог мы знаем – столыпинский антитеррор остановил революцию. И если Россию все же потом, после 1917, залили моря крови – то потому, что победу над первой революцией не использовали для проведения настоящих реформ.

Столыпин считал, что сначала надо накормить народ, дать гражданам работу с достаточным доходом. Надо освободить крестьян и от диктата общины. И уже затем пускать к избирательным урнам. Основа демократии – **независимый** гражданин. Только тогда его голосование будет **свободным**. “Сперва гражданин – говорил он – потом гражданственность”.

Мы тоже начинали с демократии, с создания нового государства. А теперь видим, как на его лице растет хорошо нам знакомая щетина авторитарного бюрократизма. Ничем иным аппарат, пока он всевластен, и быть не может – если в стране нет, говоря словами Столыпина, самостоятельных собственников, экономически независимых граждан, прежде всего многомиллионного третьего сословия.

Понимая, что от объявленных выборов в Думу уже нельзя отступать, Столыпин всячески пытается уменьшить роль на выборах **зависимых** граждан. Отсюда его стремление уйти от “чистой” демократии, ввести разные цензы, создать избирательные курии с разными нормами представительства в Думе и т.д.. Смысл этих мер один: голодный и нищий, задавленный диктатом “мира” русский крестьянин голосовать в духе реформ не готов.

Попытки Столыпина искать пути преодоления главного дефекта популистской демократии были не ограничением демократии, а своего рода заботой от ее вырождения.

Я думаю, и в нашей стране, и в других странах мира, даже сейчас, спустя 100 лет, становится все более и более очевидным кризис популистской демократии (один человек – один голос). Похожий кризис произошел две тысячи лет назад в Древнем Риме (когда плебей голосовал за того, кто давал “хлеб” и “зрелища”), что в конечном счете привело к гибели не только античной демократии, но и самой античной цивилизации.

Целые слои общества, причем наиболее важные для страны – интеллигенция или, скажем, малый бизнес – практически вообще не имеют шансов обеспечить свое представительство именно в представительных органах (и как раз в силу самого характера популистской демократии). И многие уже не с раздражением (как когда-то), а с растущим пониманием вспоминают идею Горбачева иметь в парламенте страны квоты, гарантирующие представительство писателей, ученых, молодежи, женщин, ветеранов войны и труда. Страна видела наиболее интеллектуальный депутатский корпус именно тогда, когда не было полного господства популистской идеи: один человек – один голос и не господствовал принцип, что побеждают на выборах по проценту голосов к числу голосующих, а не к общему числу всех избирателей (принцип, фактически отдающий власть голосующему меньшинству граждан).

Где ключевое звено экономических реформ? У Витте главное – **индустриализация** страны. Именно в области техники мы отстаем. С точки зрения перспективы – правильно. Но правильно ли саму эту перспективу делать сущностью реформ?

Столыпин считал исходным вопросом **о земле**, о крестьянстве. По Столыпину – инициативный, деятельный крестьянин, фермер – это рынок для промышленности. Это и производитель хлеба, масла и других сельхозпродуктов для экспорта и, соответственно, источник поступлений валюты из-за рубежа. Это и “полноправный” налогоплательщик и “наполнитель” бюджета. Эффективное крестьянское хозяйство, давая достаточно дешевое продовольствие, снизит зарплату и цену работника для индустрии, в итоге – снизит себестоимость в промышленности, цены.

Без процветающего сельского хозяйства промышленность России будет обречена на чахлая жизнь под зонтиком государственной подкормки, жизнь “на игле” льгот за счет налогов с народа. И в те годы в России было достаточно политических и экономических сил, бескорыстно, а чаще очень даже корыстно выступавших в защиту “отечественного”, “национального”. И надо было обладать большим мужеством, чтобы доказывать первоочередное значение именно аграрной реформы. И не только доказывать, но и год за годом проводить эту линию в бюджетах, налогах, ценах, льготах и т.д.

Для нас, десятилетиями видевших как разоренное советской индустриализацией сельское хозяйство камнем висит на шее всей экономики, простоявших в

очередях за мясом и маслом десятки часов (которые могли быть отданы производительному труду) и, наконец, наблюдающих уже сегодня расходование миллиардов долларов на ввозимое продовольствие, – подход Столыпина, а потом аналогичный подход Николая Бухарина к соотношению НЭПа и индустриализации – не является чем-то далеким и академическим.

Аграрная реформа. А в чем должна состоять сама аграрная реформа?

Ответ Столыпина предельно прост: крестьянин должен стать собственником земли, хозяином.

Аграрная реформа Столыпина включала такие пять “блоков”: предоставление крестьянам всех гражданских прав (это было, наконец, завершением освобождения 1861 года: крестьяне получили право свободно менять место жительства, выбирать род занятий без согласия общины или начальства); право крестьянина на выход из общины со своим наделом (опять-таки без ее согласия); льготная продажа выходящим из общины крестьянам миллионов гектаров государственных и удельных (царских) земель; скупка Крестьянским Банком земель у помещиков и льготная продажа их крестьянам и, наконец, переселение желающих крестьян на свободные земли в Сибири.

В центре этих мер – разрушение общины. Надо преодолеть, считал Столыпин, главную беду страны – “совершенное расстройство самой многомиллионной части населения России, которая стала экономически слабой, неспособной обеспечить себе безбедное существование своим исконным земледельческим промыслом”.

В государственном строительстве надо начинать с фундамента, местного самоуправления. Столыпин и его команда хорошо помнили опыт реформ 1861 года. Тогда “красные бюрократы” при поддержке Александра II отмену крепостничества сразу же дополнили реформами местной власти, земствами, полицейской и судебной реформами и т.д. Они четко заявляли: нельзя в процессе освобождения оставлять крестьянина один на один со своим помещиком и всей принадлежавшей последнему властью. Именно местная власть – это то звено, от которого зависит успех реформ, т.к. с нею взаимодействует население.

И Столыпин боролся за реформу местной власти. Он предлагал ввести бессловное местное самоуправление. Создать местный суд. Мировых судей избирать населением. Школьные реформы. И многое другое.

Думаю, что его подход опять-таки важен и для нас. Это у нас все здание демократии осталось без фундамента. Это у нас устройство фундамента отдано на усмотрение местной бюрократии. Хотя весь мировой опыт говорит о другом: демократия начинается снизу, с выборов шерифа (милиционера), судьи, местного комитета и его председателя. Будет это звено прочным, подконтрольным гражданам – можно смело идти на широкую децентрализацию.

И еще один аспект дела: именно на месте граждане способны грамотно судить о хорошо известных им проблемах, учиться самоуправлению, учиться голосовать осмысленно и конкретно за то-то и то-то. На этом уровне происходит и

самая первая “выборка” будущих депутатов и будущих администраторов всех вышестоящих уровней.

Конечно, Столыпин предложил широкую реформу и всей системы власти – от уездов и губерний до Петербурга. Но все же центр, узел – по его мнению – на местах. “Главная задача – говорил он – укрепление низа. В низах вся сила страны...”

От Империи Российской к Империи Русской. Умение Столыпина предвидеть, его феноменальная интуиция подсказали, что одной из главных в ходе реформ станет **национальная проблема**.

Столыпин вначале считал, что реформы – лекарство именно для лечения Российской империи. Собственно, так думали многие (кстати, и мы думали также: реформы – лекарство для СССР).

Но Столыпин умел учиться и раньше других видеть будущее. И он понял раньше всех нечто сверх важное – реформы – это такое лекарство, которое не может не затронуть сами основы империи, которое ставит под вопрос само ее существование в прежнем виде.

А основы были таковы – многонациональность, общий для всех народов царь, равенство всех народов перед царем, ведущая идеология – православие.

Столыпин понял, что освобождение граждан, демократия дадут право не только на свободу в экономике, но и в политике и, неизбежно, право гражданам разных национальностей решать свой национальный вопрос по-своему. Одни нации захотят остаться в России. Другие – уйти. На то и свобода. И к этому надо заранее готовиться. Вариантов тут нет: если свобода и демократия в стране – тогда права и в национальном вопросе.

Далее, Столыпин не мог не видеть, что его аграрная реформа целиком ориентирована на проблемы русского крестьянства.

Он также увидел, что в западных губерниях, хотя там население смешанное, в Думу систематически избираются польские помещики (даже в тех губерниях, где поляки составляли не более 5% населения).

Наблюдательный Столыпин не мог не отметить, что в национальных районах Кавказа и, особенно Средней Азии голосование определяется родовыми, племенными, семейными связями, и что семейно-родовое давление там такое же определяющее как и давление общины на крестьян в России.

Он был логичен и четко понял, что все эти процессы изменят суть страны. Из **Российской** Империи придется стать **Русской**. И в мае 1909 года Столыпин провозгласил принцип великодержавного великорусского государственного национализма.

Этим объясняется его интерес к разного рода националистическим и шовинистическим движениям и организациям и контактам с ними. А эти контакты стали поводом для обвинений его в черносотенстве.

Перед Столыпиным стояла исключительно сложная задача: обеспечить неизбежное развитие в условиях свободы национального русского чувства и не впасть

в шовинизм, расизм, черносотенство. Столыпин делал первые, пробные шаги и, к сожалению, не успел выдвинуть в национальном вопросе такую же четкую программу, как в аграрном. Но все же контуры программы были намечены.

Во-первых, Столыпин выступал за свободу и **равноправие** и наций, и религий.

В этой связи нельзя не сказать и об “антисемитизме” Столыпина. Как глава правительства, как и все высшие руководители монархии – царь, председатели Государственной Думы и Государственного Совета, министры, губернаторы – Столыпин несет ответственность за волну диких еврейских погромов. И за “непредотвращение”, и за “либерализм судов”, и за фактическое поощрение погромов со стороны власти.

Но именно Столыпин с точки зрения своей главной логики: предотвратить революцию – стал инициатором подготовки проекта Закона о равенстве евреев. Этим он хотел отвлечь основную массу евреев от революционных настроений. Закон отверг Николай II – как пишет А.И. Солженицын – “с редкой для него твердостью”. Столыпин не хотел “светить” царя и в итоге сам оказался “антисемитом”. Но антисемиты не выступают за равноправие евреев. Они заняты разработкой квот при приеме евреев в университеты и аналогичным законодательством.

Во-вторых, Столыпин предложил **уточнить границы** в Российской империи, прежде всего на западе. Уезды с явно преобладающим русским населением передать из Польши в русские губернии, а из русских губерний отдать Польше уезды с преобладанием польского населения.

В-третьих, Столыпин предложил **национальные курии**. Чтобы при выборах депутатов голосовали не территории, а национальности. Национальность в этом случае и сама не подавляет других, и сама не становится жертвой голосования.

В-четвертых, Столыпин наметил уже к 1920 году **выход Польши** из состава России как наиболее не желающей оставаться в империи. Обратите внимание – о выходе Польши говорит лидер, обвиняемый в шовинизме.

В-пятых, Столыпин наметил меры по укреплению позиций русского народа (под русскими он понимал и великороссов, и украинцев, и белорусов).

Эта программа исключительно интересна.

Например, и сегодня столыпинская идея национальных курий и избрание ими депутатов – скажем, одной из палат нашего парламента – сверхактуальна.

Подводя итоги я хочу сделать вывод: программа столыпинских реформ была одной из лучших реформаторских программ российской истории.

Почему захлебнулись реформы?

Успехи и общая неудача. Столыпин за какие-нибудь пять лет сумел многое. В России появилось почти 2 млн. самостоятельных крестьянских хозяйств. Производство зерновых в России к 1913 году превышало **на одну треть** объем

производства зерновых в США, Канаде и Аргентине **вместе взятых**. Экспорт зерна из России в 1912 году составил 15 млн. тонн в год. В Англию вывозили масло на сумму, вдвое превышающую стоимость всей ежегодной добычи золота в Сибири.

Особенно впечатляющие результаты были достигнуты в Сибири. За 300 лет, до 1900 года за Урал переселилось 5 млн. русских. За несколько лет реформ – 3 миллиона. Столыпин считал, что кредиты переселенцам в денежной форме легко сделают крестьянина жертвой финансовых воротил и чиновников, а то и попросту будут пропиты. Он поэтому предложил реализовать помощь в натуральной, вещественной форме. Во-первых, в зонах переселения правительство строило железные и шоссейные дороги, колодцы, водохранилища, школы, медпункты. Во-вторых, крестьянин получал помощь в виде семян, скота, инвентаря. Продавать такие вещи в Сибири было некому.

Однако в целом реформы Столыпина захлебнулись.

Причины неудачи. На первый взгляд, всему помешало убийство Столыпина.

Да, убийство лидера может остановить реформы. Таким было убийство Александра II.

Поэтому надо искать более глубокие, чем смерть Столыпина, причины неудачи его реформы.

Первая из таких причин – позиция помещиков и всей бюрократии.

Самодержавие и его бюрократия быстро сообразили, что десять миллионов крестьян-собственников только на короткое время согласятся на опеку самодержавия и бюрократии. А далее, окрепнув экономически, они сначала овладеют местной властью (как планировал и сам Столыпин), а затем замахнутся и на всю власть. В общем, если Россия от революции и будет спасена, то нам в новой России все равно достойного места не будет. Как похожи эти рассуждения на отношение руководства КПСС к реформам!

Столыпин сам себе подготовил ловушку. Как только ему удалось опрокинуть антитеррором революцию, абсолютизм счел, что задача решена и ничего больше не нужно.

Ну хорошо, помещики и самодержавие – против. А буржуазия?

Русская буржуазия не хотела возглавить страну. Она желала ограничить самодержавие. И только.

И все же была **главная, фундаментальная** причина поражения Столыпина. Это – позиция русского крестьянства.

Казалось бы, что почти два миллиона новых собственников и три миллиона переселенцев могли бы стать особой политической силой. Столыпин мог бы создать из них, скажем, еще одну избирательную курию.

Но эти миллионы “новых крестьян” **остались в общем лагере общины.**

Почему русское крестьянство так держалось за общину?

Русский крестьянин не мог не видеть, что в новых условиях у собственного, фермерского хозяйства есть очевидная выгода. И если он все же хотел со-

хранить общину, то причина не в его косности, а в глубоком народном, совершенно правильном понимании проблем окончательного преодоления феодализма.

Во-первых, играла роль вековая традиция, при которой именно община (не семья, как скажем в рисоводческом Китае) позволяла выжить, была и щитом, и опорой, словом на самом деле “миром”.

Во-вторых, только наваливаясь “миром” можно отстоять свои интересы.

В-третьих, главный вековой враг – не богатеющий своим горбом и непомерными усилиями сосед по деревенской улице, а помещик, сгусток всех обид и бед, паразит, сосущий соки из своей деревни.

И, наконец, в-четвертых, выход из прошлого – это уравнительный дележ помещичьих земель. Это справедливо по народным понятиям. Это – нормальный итог общей победы над прошлым. Расслоение будет не итогом наследия прошлого и не итогом неразберихи переходного периода, а результатом свободной рыночной конкуренции и свободных демократических выборов среди равных на старте нового общества граждан.

Вот почему крестьянская община в России имела значительно более прочные корни, чем предполагал Столыпин.

Реформатор всегда обречен на то, чтобы искать средний путь. Но средние бывают разные. Есть средняя, вычисленная искусственно. Есть средняя, действительно впитывающая наиболее перспективные аспекты и справа, и слева.

Так вот средняя Столыпина оказалась “вычисленной”. Она запоздала.

Конечно, и при такой ситуации можно было действовать. Но требовалась удесятая энергия власти, требовалось не одно десятилетие исключительных усилий. В самодержавном государстве такого рода линия целиком зависит от первого лица.

Но если Александр II всем своим авторитетом “двигал” реформу 1861 года и готов был вести ее дальше (за что справедливо и был назван Освободителем, за что и был убит), то Николай II не видел в реформах инструмент спасения трона.

В критический период в самодержавной России именно самодержец оказался самым слабым звеном, именно он не соответствовал тем требованиям, которые к нему предъявила история. Именно лично из-за царя **запаздывание** с реформами превратилось в **опоздание**, а **тяжелейшая** болезнь стала **неизлечимой**. Если бы искать определение этому царю, то я бы назвал Николая II Могильщиком (имея в виду монархию) и Самоубийцей (имея в виду свою семью и себя).

Ученики. Ученик – это не только тот, кто подражает, ученик – тот, кто извлекает уроки из неудач учителя. Так получилось, что главными учениками Столыпина стали Ленин и Сталин.

И не только в том, что они восприняли идею Столыпина о грандиозном вмешательстве государства в экономическую жизнь страны.

И не только в том, что они взяли у Столыпина идею масштабного полицейского насилия над страной.

И не только в том, что они “обобщили” урок Столыпина с военно-полевыми судами, с виселицами, с расстрелами.

Самый главный урок касался **общины**.

Ленин больше кого-либо понял и замысел, и цели реформы Столыпина.

Ленин был трезвый политик.

Он немедленно пересмотрел всю аграрную программу. Если община против Столыпина – значит надо ориентироваться на общину. Ленин принял все, чего хотели крестьяне. Урок Столыпина, недооценивший силу крестьянской общины России, Ленин учел – и власть оказалась в его руках.

Другим лидером, также учитывавшем опыт Столыпина, был Сталин.

Сталин рассуждал логично. Россию как державу в XX веке может спасти только индустриализация. Деньги на индустриализацию может дать только деревня.

Но если богатеющий в ходе НЭПа крестьянин не хочет поддержать сталинский вариант сверхиндустриализации? Если он не будет тяготеть к диктатуре пролетариата? Что делать?

Опыт Столыпина показывал, что альтернативой фермерству стала крестьянская община. Может, стоит ею воспользоваться и сейчас? Раз большинство крестьян тяготеют к общине – пусть они в ней остаются. Надо только ее сделать насосом для перекачки всех ресурсов советскому государству, армии и, главное, индустрии. Для этого община должна принять форму колхоза. Идея “община – колхоз” могла появиться именно в ходе анализа причин неудач столыпинской реформы.

И еще об учениках Столыпина. Уже в наше время. Сама революция 1989-91 годов, свержение советской власти и КПСС, была осуществлена совершенно “общинно”, объединением всех сил народа. А вот после нее союз реформаторской части бюрократии КПСС и “новых русских” навязал стране внешне столыпинский курс с опорой на богатеющих, на “сильнейших”, как говорил Столыпин.

Но второй раз история повторяется только в виде фарса. Десятилетие наших реформ было только **видимостью** заботы о **якобы** сильнейших. У Столыпина сильнейший – это тот, кто трудится на земле, наращивает производство. А у нас “сильнейшими” стали финансовые олигархи, экспортеры нефти и газа, победители предвыборных махинаций.

Самому Столыпину в начале XX века курс на “сильнейших” не удался, и предотвратить революцию он не смог. Удастся ли взявшимся сейчас в России за реформы бюрократам и олигархам перейти к действительно столыпинской действительной заботе о действительно сильнейших, способных поднять Россию и спасти ее от нового глобального кризиса – покажет время.

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ
И ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том десятый
(35 том в изданиях Вольного экономического общества России
после возобновления издания "Научных трудов")

Информационно-аналитическое издание для членов
Международного Союза экономистов и Вольного экономического
общества России
Москва – Санкт-Петербург - 2002

Над выпуском работали:
И.Л. Смелянская
К.А. Шестаева
Е.В. Малышева

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом
России – 103050, Москва, ул. Тверская, 22А
Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № 77-3786 от 20.06.2000
Лицензия на издательскую деятельность – ИД № 01775
от 11.05.2000

ISBN 5 – 94160-016 - X

© Вольное экономическое общество России, 2002
© Международный Союз экономистов, 2002